# Запрет на профессию в Беларуси: разнообразие форм, задач и способов

**Татьяна Водолажская**, **Андрей Шутов**,
*Центр европейской трансформации*

В данном документе представлены результаты анализа проявлений запрета на профессию в современной Беларуси. К проявлениям запрета на профессию относятся случаи создания любого рода препятствий в осуществлении профессиональной деятельности, которые не связаны с нарушениями трудового законодательства или недостаточной квалификацией, а выступают как преследования по идеологическим и политическим мотивам или противодействие общественной активности работников. Анализ проведен на базе мониторинга фактов преследований в профессиональной деятельности, представленных в открытых источниках: в материалах СМИ; в мониторинге нарушений прав человека Правозащитного центра «Вясна» (с 1998 года по конец 2011 года); в мониторинге нарушений журналисткой деятельности Общественной организации «Беларусская ассоциация журналистов».

В результате анализа выделены основные характеристики и тенденции запрета на профессию как способа борьбы с инакомыслием. Среди них: охват всех сфер деятельности и всех форм собственности; тенденция к вытеснению нелояльных работников и профессионалов в маргинальную сферу; ощутимый социальный и гуманитарный негативный эффект; специфика в различных видах деятельности. Обозначены основные способы и средства реализации запрета на профессию, среди которых важную роль играет всеобщая контрактизация сферы трудовых отношений. Представлен спектр задач, которые решает государство, используя этот механизм: «наказание» за общественную и политическую активность; «очистка» от идеологически нелояльных граждан сфер, в которых идет работа со знанием, общественным сознанием, идеями и т.д.; «борьба» с авторитетными и публичными людьми, проявляющими нелояльность; «зачистка» органов управления, силовых и правоохранительных структур. Обозначены основные направления дальнейшей работы для преодоления этого явления в беларусском обществе.

## Содержание:

## 1. Запрет на профессию как явление и исследовательская проблема

Никого в Беларуси не удивишь тем фактом, что проявление политической или общественной активности, идущей вразрез с официально провозглашенными государственными интересами и идеологией, может обернуться проблемами с работой вплоть до ее потери. Это положение дел представляется обыденным и очевидным, вне зависимости от того, как люди относятся к таким фактам и к такой возможности: считают ли это нарушением прав человека или видят в этом залог и условие стабильности и порядка.

В 1972 году в Западной Германии в качестве сопротивления росту леворадикальных настроений на федеральном уровне был принят «Закон об экстремизме». Данный закон определял, что граждане, нелояльно относящиеся к существующему конституционному строю, не имеют право состоять на государственной службе. В результате применения этого закона, по данным немецких правозащитников, в Западной Германии лишились работы около 11 тыс. человек и, по некоторым оценкам, более миллиона прошли через процедуру проверки специальными комиссиями на лояльность. Всё это происходило в ситуации «холодной войны», и подавляющее большинство «пострадавших» от применения данного закона — это были люди, придерживавшиеся левых взглядов или симпатизировавшие коммунистам и социалистам, а также те, кто являлись сторонниками пацифизма и экологического движения.

Практически одновременно с началом действия «Закон об экстремизме», благодаря стараниям западногерманского гражданского общества, «запрет на профессию» стал предметом активных общественных дискуссий. Была развернута кампания, в том числе и на международном уровне, по прекращению действия данного закона. СССР в осуждении политики западногерманских властей принял самое активное участие, отставая свободу совести и право на гражданскую позиции своих идеологических единомышленников. Именно тогда в русский язык и пришло выражение «запрет на профессию», которое является калькой немецкого словосочетания *Berufsverbot* (*Beruf* — профессия, *Verbot* — запрет), обозначающее практику лишения людей возможности заниматься профессиональной деятельностью по основаниям, несвязанным непосредственно с выполнением работы (квалификацией, выполнением норм и т.д.).

Благодаря активным действиям гражданского общества, к концу 1970-х годов удалось практически остановить увольнения людей по идеологическим мотивам. В большинстве земель Западной Германии «Закон об экстремизме» был ликвидирован, а в землях, где он продолжает существовать, его применение каждый раз связано с большими скандалами и общественными протестами.

Прецедент не только введения подобного закона, но и действий общества по его оценке и нейтрализации создал условия для осмысления сходной практики в других странах, в том числе практики профессиональной дискриминации по политическим, а также по расовым или культурно-мировоззренческим основаниям. Не только история, но и современность многих стран оказалась полна такого рода явлений, далеко не всегда привязанных к законодательству. Так термин «запрет на профессию» был введен в оборот в отношении и правовой практики, и социального явления, условий и последствий маргинализации, вытеснения из трудовых и социальных отношений людей нелояльных, инакомыслящих.

Советское общество без специальных законов «Об экстремизме» широко и постоянно регулировало доступ к отдельным сферам деятельности, а то и вообще к возможности легального труда, на основании идеологической и политической лояльности, а иногда и национально-культурной идентификации.

Определенные посты и должности могли занимать только члены КПСС. Лица еврейской национальности в 1970-е годы имели запрет на приобретение определенных профессий из-за опасений советского руководства, что они в последствии вывезут за границу важные государственные секреты. По отношению к диссидентам, при полном отсутствии негосударственного сектора и наличии уголовной ответственности за тунеядство, создавалась ситуация автоматического перевода инакомыслящего в статус «криминального элемента».

Сегодняшняя Беларусь, после небольшого периода освоения демократических механизмов реализации прав и свобод граждан, вернулась к практике запрета на профессию, хотя и с некоторыми особенностями, характерными для современного состояния общества. Так же, как и в Советском Союзе, в современной Беларуси нет законодательного закрепления ограничений в труде, связанных с идеологической и политической лояльностью[1]. Но это не мешает реализации данного механизма, а, наоборот, превращает его в «мягкую» репрессивную практику. При сохранении фактически полного контроля над рынком труда, власть имеет возможность лишить человека и легального дохода, и возможности самореализации в профессии, что влечет за собой социальную маргинализацию. Если в Западной Германии запрет касался только государственных чиновников, то современная беларусская практика не ограничивается этой сферой, а стремится к тотальному контролю над представлениями и ценностями граждан, точнее, над их проявлением.

Итак, обращаясь к явлению запрета на профессию в Беларуси мы имеем в виду практику, которая, в отличии от практики, давшей ей название, во-первых, распространяется на все области и сферы профессиональной деятельности, а во-вторых, лежит за пределами правовых норм, регулирующих трудовые отношения. Эта практика скорее реализуется в социальных отношениях, а правовое регулирование лишь иногда используется в качестве инструмента реализации таких отношений.

Понимая глубину отличий тех проявлений и обстоятельств, которые мы фиксируем сегодня в Беларуси, от *Berufsverbot* западногерманского образца, тем не менее, мы будем использовать этот термин. Во-первых, при всех отличиях, суть явления остается той же: политическая и идеологическая лояльность выступает условием профессиональной деятельности. Во-вторых, термин «запрет на профессию» апеллирует не только к самим санкциям и ограничениям, но и к практике общественного, гражданского противостояния им. И именно последнее — принимаемое как задача гражданского общества — взывает к исследовательскому отношению, требует анализа и понимания сути происходящих в Беларуси процессов.

Общественное внимание и правозащитная практика обращается к фактам профессиональной дискриминации по идейным и политическим мотивам довольно часто, но не как к целостному явлению, а как к отдельным фактам и проявлениям (пусть даже массовым). Независимая пресса периодически поднимает темы наличия «черных списков» деятелей культуры, отчислений студентов из вузов, увольнений «по итогам» избирательных кампаний, препятствований в работе прессы и т.д. Независимые профсоюзы и правозащитные инициативы работают с отдельными случаями, пытаясь восстановить право на труд в суде (иногда даже успешно) или формируя целые программы по компенсации утраченных возможностей (например, «Программа Калиновского» для отчисленных студентов). Однако эти действия

[1] В современном беларусском уголовном праве содержаться нормы, в которых за совершение работником определенного рода преступлений, в качестве дополнения к наказанию (лишению свободы) он получает запрет на доступ к определенной профессиональной деятельности, занятие должностей и т.д. Требование политической лояльности законодательно не закреплено.

не охватывают проблему целиком. Кроме узкоправового аспекта (незаконных увольнений, отчислений, препятствований в деятельности), практика запрета на профессию имеет гуманитарную и социальную составляющую.

В осуществление этой практики (со-)участвует широкий круг людей: это не только те, кто попадает под запрет, но это и их коллеги, и весь трудовой коллектив, которым необходимо каким-то образом относиться к происходящему; это и семья, друзья и знакомые; это и руководители, которые непосредственно реализуют неправовые действия. Все эти люди не только актуально участвуют в конкретных ситуациях, но и осваивают определенные навыки, установки, поведенческие модели, которые закрепляют механизм запрета на профессию, делают его обыденной нормой не только трудовых отношений и профессиональной этики, но и социальных, и человеческих отношений.

Понимание всех этих обстоятельств и сложностей, тем не менее, не является знанием, **необходимым и достаточным**, чтобы беларусское общество могло справиться с запретом на профессию как с проблемой. Какое знание необходимо?

1. Масштабы явления, реальная оценка распространенности фактов запрета на профессию.
2. Формы и виды проявления запрета на профессию, их многообразие.
3. Способы осуществления запрета на профессию, используемые приемы и средства.
4. Модели поведения и реакции на факты запрета на профессию всех «участников»: пострадавших, исполнителей, коллег и окружения, а также формы противодействия и защиты.
5. Социальные и гуманитарные эффекты, влияние на общественное мнение, установки и поведение граждан страны.
6. Факторы, способствующие и препятствующие развитию и существованию данного явления.

Это далеко не полный и не подробный список необходимого знания о запрете на профессию в нашей стране, которое требуется для осмысленной и систематичной деятельности для преодоления этого явления. Представленные исследовательские задачи не могут быть решены все одновременно, необходимо установить некий порядок *последовательного приближения* и фиксации разных аспектов данного явления. Так, например, оценка масштабов явления сегодня фактически нереалистична. Большинство известных случаев, о которых мы говорим как о запрете на профессию, представляют собой заявления «пострадавших», подтвердить или опровергнуть которые довольно сложно. Для увольнений и препятствований в деятельности почти всегда используются легальные, законные основания: окончание трудового контракта, нарушение дисциплины, недостаток квалификации, технические или ресурсные препятствия. Доказательством неправомерности применения этих вполне легальных процедур представляется весьма сложным. Еще хуже обстоит дело с такими «неофициальными» препятствиями, как «черные списки», удаление литературных произведений из школьных программ, запреты на разработку тех или иных тем и т.д. Каждый конкретный случай требует специального расследования. Однако такое расследование и оценка каждого случая, как являющегося (или не являющегося) фактом запрета на профессию, может и должно строиться на некой общей схеме, позволяющей дать адекватную ему квалификацию. При отсутствии законодательной базы (как это было в ситуации Западной Германии), данную схему классификации еще только предстоит выработать на основании глубокого анализа имевших место прецедентов.

Первым шагом в движении на этом пути стало создание специального ресурса, аккумулирующего всю информацию о прецедентах, которые могут иметь отношение к запрету на профессию в Беларуси: **«Забарона на прафесію»**[2]. В качестве следующего шага в продвижении к анализу и систематизации запрета на профессию мы рассматриваем данный аналитический материал, в котором ставим следующие **цели**:

- Инвентаризация, обзор случаев и прецедентов, попадающих под основные характеристики запрета на профессию.
- Определение основных типовых проявлений запрета на профессию.
- Обозначение наиболее характерных особенностей и тенденций в реализации запрета на профессию в современной Беларуси.

**К проявлениям запрета на профессию мы будем относить случаи создания любого рода препятствий в осуществлении профессиональной деятельности, которые не связаны с нарушениями трудового законодательства или недостаточной квалификацией, а выступают как преследования по идеологическим и политическим мотивам или противодействие общественной активности работников.**

Как уже упоминалось выше, трудность состоит в том, что, формально, увольнения или иные формы запрета на профессию апеллируют именно к нарушением трудового законодательства. Поэтому, не имея возможности расследования каждого из случаев, в качестве индикаторов проявления запрета на профессию, мы будем использовать утверждения «потерпевших» или правозащитников. Мы отдаем себе отчет в возможном искажении или неправомерности рассматривать все такие заявления как действительные случаи запрета на профессию. Ориентируясь на цели обзора и типологизации, а не количественной оценки, и опираясь на единственно имеющийся в наличии материал, мы осознанно принимаем данное допущение.

Таким образом, материалом анализа выступали упоминания фактов преследований в профессиональной деятельности, представленные:

- в материалах СМИ[3];
- в мониторинге нарушений прав человека Правозащитного центра «Вясна» (с 1998 года по конец 2011 года)[4];
- в мониторинге нарушений журналисткой деятельности Беларусской ассоциации журналистов[5].

---

[2] См.: http://zabarona-na-prf.livejournal.com.

[3] «Радыё Свабода», веб-сайт ПЦ «Вясна», веб-сайт ОО «Белорусская ассоциация журналистов», «Радыё Рацыя», «Народная Воля», «Наша Ніва», «Еврорадио», «Польскае радыё для замежжа», *Deutsche Welle*, БелаПАН, *Naviny.By*, «Свободные новости плюс», *TUT.BY*, «БДГ. Деловая газета», «Завтра твоей страны», *Euromost.org*, «Салідарнасць», Белсат, *Telegraf.by*, «Белорусский партизан», «Новы Час», «Ежедневник», «Тут і Цяпер» и др.

[4] Обзоры нарушений прав человека в Беларуси, подготовленные ПЦ «Вясна»: 1998 год, 1999 год, 2000 год, 2001 год, 2002 год, 2003 год, 2004 год, 2005 год, 2006 год, 2007 год, 2008 год, 2009 год, 2011 год.

[5] См.: http://baj.by/be/monitoring.

В базу данных попали имена более 500 человек, по отношению к которым в период с 1996 по 2011 годы были использованы различные формы запрета на профессию: от препятствований в творческой деятельности или доступе к публике и потребителю до увольнений, отчислений и лишения лицензий.

## 2. Общие характеристики запрета на профессию в Беларуси

На основании анализа собранной базы данных о случаях препятствования в осуществлении профессиональной деятельности можно выделить несколько наиболее **общих характеристик** данного явления:

**1.** Запрет на профессию как «мягкий» репрессивный механизм борьбы с инакомыслием и нелояльностью распространен **во всех сферах профессиональной деятельности, охватывает всю территорию станы и присутствует не только в госструктурах, учреждениях и предприятиях государственной формы собственности, но проникает и в частные учреждения и предприятия**. Каждая из сфер деятельности имеет специфику реализации этого механизма: для профессий, работающих с информацией, знанием, идеями, общественным мнением и сферой коммуникации (деятели культуры, ученые, интеллектуалы и журналисты), это проявляется в препятствовании и ограничении доступа к широкой публике; для учителей школ, педагогов вузов — в требованиях лояльности, идейного и идеологического соответствия под угрозой потери работы; для чиновников, работников силовых и правоохранительных ведомств — в этих же требованиях, установленных в качестве предварительных условий получения места и должности; для работников предприятий (рабочих, ИТР и т.д.) — в пресечении любой общественной активности, в том числе и в рамках независимых профсоюзов.

Общественная известность проявлений запрета на профессию в отдельных сферах отражает скорее состояние публичной сферы и особенности деятельности правозащитных объединений, нежели реальную распространенность этого явления.

**2.** Наличие в стране ниш «неофициального трудоустройства», существование маргинальных (диссидентских) образов жизни приводит не к полному запрету на профессиональную и трудовую деятельность, а к **вытеснению в маргинальный, неофициальный сектор**. Последствием такого вытеснения становятся несколько эффектов:

- В маргинальной, неофициальной деятельности нет действующих механизмов оценки квалификации и качества работы (ни рыночных, ни институциональных), что способствует **профессиональной деградации, падению качества работ**. Иногда, правда, именно неформальная среда позволяет сформировать особо высокие требования к квалификации, но это единичные случаи для узких сообществ.
- **Социальная изоляция и уязвимость.** Люди, перешедшие в теневую сферу профессиональной деятельности, как правило, полностью лишены социальных гарантий: больничных, пенсий и т.д. Это ставит их на грань выживания в период нетрудоспособности. В то же время, отсутствие официальной работы и преследования делают их уязвимыми в отношениях с окружающими законопослушными гражданами — на них порой навешивают ярлыки: «пятая колонна», «недоброжелатели» или даже «враги народа» и т.д.
- **Профессионализация в качестве «общественного активиста», «оппозиционера».** Вытеснение из нормально функционирующей профессиональной деятельности и попадание в нишу «оппозиции», нередко приводят людей к потере прежней профессии и освоению роли «вечного борца». В итоге, в стране постепенно формируется целый слой (пусть пока и небольшой) людей, для которых политическое поле остается единственным пространством не только самореализации, но и трудоустройства.

**3.** За годы становления авторитарного управления страной практика борьбы с инакомыслием постепенно **смещается от «очистки» трудовых коллективов от нежелательных элементов, вытеснения их в маргинальные сферы или за пределы страны к организации и усилению препятствий для деятельности в неформальном секторе**. Сегодня структуры, связанные с проведением государственной политики (начиная от государственного аппарата и силовых структур и заканчивая всеми подразделениями в сферах образования, медицинского обслуживания и социальной защиты) стали практически стерильными. Прецеденты увольнения по идеологическим или политическим мотивам становятся редкими случаями и связаны с неожиданным проявлением гражданской позиции или несогласием. Радикальная «зачистка» определенных сфер носит преимущественно показательный характер (последний пример — события в Минской городской коллегии адвокатов в 2011 году). Наиболее активно запрет на профессию начинает действовать в форме препятствований в осуществлении профессиональной деятельности, в первую очередь, журналистской, правозащитной, культурной и т.д. Это дополняется ужесточением условий деятельности всего «третьего сектора» в целом.

**4.** Для жителей небольших населенных пунктов (средних и малых городов, сел) **запрет на профессиональную деятельность становится способом лишения возможности трудоустройства**. В малых городах «благоприятные» факторы реализации этого репрессивного механизма складываются так, что выводят человека на грань выживания. Во-первых, ограниченно число рабочих мест, особенно для квалифицированной работы (учителя, инженеры и т.д.); во-вторых, все работодатели составляют узкий круг, находятся в тесной коммуникации, и информация распространяется быстро, не говоря о сильной зависимости от местных властей; в-третьих, небольшая доля частных предприятий и небольшой неформальный сектор. Эти обстоятельства в комплексе практически не оставляют шансов, однажды попав под запрет на профессию, трудоустроиться в своем городе.

**5.** Среди высококвалифицированных специалистов и мастеров культуры и ученых высокого уровня столкновение со случаями запрета или препятствований в профессиональной деятельности приводит к тому, что **единственной возможностью сохранения себя как специалиста и художника становится эмиграция**. В результате, комплекс правовых и социальных проблем и эффектов запрета на профессию дополняется сокращением инновационного, интеллектуального и культурного капитала страны. Кроме того, это оказывает негативное влияние и на имидж Беларуси.

**6. Для создания препятствий в профессиональной деятельности используется следующий набор средств**:

- **Увольнение.** В большинстве случаев увольнению предшествует **период давления и угроз**, с тем, чтобы человек либо отказался от политической и общественной активности, либо самостоятельно написал заявление об уходе. В арсенале средств давления используются апелляции к как бы общеизвестности последствий, например, участия в оппозиционных акциях и мероприятиях: *«Если вы сами не пишете заявление, будет только хуже»*. При этом, довольно часто работодатель не имеет в виду ничего конкретного и рассчитывает на «понимание» работника и его соответствующую реакцию — уход. Иногда к **организации давления подключается трудовой коллектив** (т.н. мобинг), когда неблагонадежный работник начинает чувствовать себя изгоем или виноватым в том, что его коллеги сталкиваются с проблемами и неприятностями. Основаниями увольнений по инициативе работодателя регулярно становится **нарушения трудовой дисциплины** — как реальные, так и надуманные.

После 2004 года, когда трудовые отношения на всех предприятиях и учреждениях стали оформляться в виде **срочных контрактов**[6], возможность избавиться от нежелательного работника получила простой и беспроигрышный с юридической точки зрения механизм. «Окончание контракта» — это стало наиболее частой формулировкой в обозначении разрыва отношений работодателя и работника, проявляющего нелояльность.

Разновидностью увольнений являются **отчисления из вузов** или иных профессиональных учебных заведений, где фактически повторяются все средства и формы давления и обоснования причин. Для отдельных профессий и занятий, в которых требуется подтверждение профессиональной пригодности, практикуется **лишение лицензий** и **неаттестация** (научные работники и педагоги).

В отношении предпринимателей практикуется **организация препятствий в ведении бизнеса**: лишение лицензий, непрекращающиеся проверки (налоговые, соблюдения норм пожарной безопасности и т.д.), парализующие деятельность, отказы в аренде или приобретения помещений и т.д.

- По отношению к людям творческих профессий используются **«черные списки» или негласные запреты на издание, трансляцию, предоставление помещений для выступлений или творческих встреч**. Большинство средств массовой информации, а также предприятий и учреждений находятся в государственной собственности и полностью подконтрольны власти. Частные учреждения, издательства или площадки для концертов и выступлений находятся под давлением не меньшим, чем государственные.

  Аналогом «черных списков», но не по отношению к людям, а по отношению к определенным темам, становятся приоритеты государственных программ в области исследований. В силу практически полного отсутствия в современной Беларуси легальных альтернативных источников финансирования исследований, помимо подконтрольных государству фондов, невключение определенных тем в приоритеты государственного финансирования, исключает возможность работы в этих направлениях.

  По отношению к журналистам независимых изданий практикуется сходный по своей сути механизм: им выставляются **физические препятствия в осуществлении журналистской деятельности** (задержания, изымание техники и т.д.).

- Крайними формами запрета на профессию становится **уголовное преследование**. Используется в основном в отношении чиновников или работников силовых ведомств. В итоге, человек не только оказывается на определенный срок за решеткой, но и в подавляющем большинстве случаев лишается возможности после продолжать карьеру и занимать определенные посты и должности. Иногда эта форма используется по отношению к предпринимателям, что в корне подрывает их бизнес как с экономической точки зрения, так и создает негативный имидж, уничтожает социальный капитал в данной сфере.

[6] Анализ контрактной системы как противоправного механизма борьбы с инакомыслием в научной и педагогической сфере см.: *Граблевский О.* **Кадровая политика в вузах. Юридический аспект** // Сайт экспертного сообщества Беларуси «Наше мнение»: http://nmnby.eu/news/analytics/4821.html.

## 3. Основные типы запрета на профессию в Беларуси

Все случаи запрета на профессию можно разделить на четыре группы в отношении задач и установок власти, которые провоцируют создание препятствий в осуществлении профессиональной деятельности:

- «наказание» за общественную и политическую активность;
- «очистка» от идеологически нелояльных граждан сфер, в которых идет работа со знанием, общественным сознанием, идеями и т.д.;
- «борьба» с авторитетными и публичными людьми, проявляющими нелояльность;
- «зачистка» органов управления, силовых и правоохранительных структур.

### 3.1 «Наказания» за общественную и политическую активность

Эффект таких увольнений рассчитан не только на самого «потерпевшего», но и на его коллег, для которых он становится *примером и назиданием*. Типичными случаями являются:

- **Увольнения по результатам избирательных кампаний.** Каждая избирательная кампания — будь то президентские выборы, парламентские выборы или даже выборов в местные советы — сопровождается волной угроз увольнений и собственно увольнений. Давлению и увольнениям подвергаются: члены избирательных штабов и доверенные лица (В. Юрченко, Могилев, 2011 г.; О. Дьячков, Могилев, 2006 г.; В. Каратышев, Лунинец, 2006 г.; и др.), а также сами кандидаты в депутаты парламента и советов разного уровня (Д. Соловьев, Полоцк, 2003 г.; Т. Балабанская, Молодечно, 2010 г.; В. Рыбченко, Жлобин, 2005 г.). Традиционно, давление начинается с угроз, а при несговорчивости работника угрозы приводятся в исполнение. Формальными поводами чаще всего служат нарушения в трудовой дисциплине, а после 2004 года — окончание трудового контракта. Такого рода случаи встречаются в самых различных сферах и видах деятельности: увольнению подверглись и научные сотрудники, и охранники, и рабочие заводов, и работники общепита, и т.д.

  Отмечаются случаи, когда «наказание» настигает не только **самих участников избирательных кампаний, но и их родственников**. Например, после выборов в парламент 2004 года не был продлен контракт не только с активистом Витебской городской организации БСДП(Г) А. Гаврутиковым, но и его женой.

- **Увольнения активных членов политических партий и объединений** происходит вне зависимости от конкретных проявлений политической активности. Сама принадлежность к активным оппозиционным структурам служит основанием для выдавливания работников со своих рабочих мест (И. Кузнецов, беларусский координатор Международного общества «Мемориал», член «Ассоциации свободных беларусских историков», Минск, 2007 г.; А. Сарнацкий, член ПЦ «Вясна», Минск, 2000 г.; П. Наздря, член БХК, Мозырь, 2007 г.; Л. Автухов, председатель Городокской районной организации Партии БНФ, редактор негосударственной газеты «Да перамогі», 2008 г.; А. Мех, руководитель Кобринского районного совета Партии БНФ, 2008 г.; О. Тычин, лидер предпринимательского движения, Лепель, 2005 г. (семья лишилась бизнеса); и др.). Формальные основания увольнений и претензии также лежат исключительно в сфере трудовых отношений: нарушение дисциплины, невыполнение планов, сокращения и окончание контракта. Практически

всегда увольнению предшествует предложение «выйти из партии или организации». Это иногда решает проблему.

- **Увольнения участников акций протеста.** Традиционно массовые акции протеста или иные политические выступления заканчиваются задержанием значительного числа его участников, которые подвергаются административным арестам. Вследствие этого, сам факт задержания или отбывания наказания становится основанием для увольнения. Массовая фиксация таких случаев началась с участников палаточного лагеря 2006 года (А. Бильдюк, А. Музыченко и др.), хотя и предшествующие годы не являются исключением (А. Павловский — за организацию акции «Строители, просящие милостыню», Могилев, 2002 г.; А. Монич — за участие в акции «СТОП Лукомол», Борисов, 2004 г.; все участники группы «Палац» — уволены из Белконцерта за участие в концерте во время митинга оппозиции на столичной пл. Бангалор, 2004 г.). Затем каждая массовая акция отмечается широкой волной отчислений и увольнений (В. Федюк, К. Лукашов, Т. Суслова, А. Солдатенко, А. Вилькин, Д. Куклин и др.). В данном случае, увольнение может и не маскироваться под формальные причины. Так, актер П. Харланчук-Южаков был уволен 28 декабря 2006 года из Национального академического драматического театра со следующей характеристикой: *«В марте 2006 года П. Харланчук-Южаков принял участие в акции, направленной против государственной власти в РБ. За свои действия П. Харланчук-Южаков был привлечен правоохранительными органами к административной ответственности. П. Харланчук-Южаков нарушил морально-духовные основы театра, вместо признания допущенной ошибки, на собрании труппы вел себя с чрезвычайным вызовом и неэтично, несмотря на многочисленные беседы с ним руководителей театра. Тем самым, он противопоставил свои личные убеждения общепринятым нормам соблюдения законности»*.

- **Увольнения (угрозы увольнений) активистов независимых профсоюзов или работников, активно отстаивающих свои права в отношениях с работодателями.** После краткого периода развития независимого профсоюзного движения Беларусь фактически вернулась к прежней советской системе, когда «официальный» профсоюз прочно связан как с администрацией предприятий, так и с государством и не выступает механизмом защиты прав работников в отношениях с этими субъектами. Тем не менее, отдельные работники, а на некоторых предприятиях ячейки независимых профсоюзов, регулярно проявляют реальную профсоюзную активность, вступая в конфликты с руководством предприятий. Такая общественная деятельность (даже не связанная с политическими взглядами) пресекается, и основным способом пресечения выступают увольнения (угрозы увольнений). Чаще всего, в этот разряд запрета на профессию попадают представители независимых профсоюзов (С. Вакуленко, Профсоюз работников РЭП, Брест, 2002 г.; В. Цурпанов, Профсоюз работников РЭП, Могилев, 2011 г.; В. Стуков, председатель первичной ячейки Свободного профсоюза, Полоцк, 2004 г.; массовое давление на членов Белорусского независимого профсоюза ОАО «Гродно Азот» и их родственников с требованием выйти из профсоюза, 2010 г.; и др.). Встречаются случаи непрофсоюзной инициативы, которые также заканчиваются увольнениями (О. Дайнеко и В. Васильев, Пружанский молочный комбинат, 2010 г.; Г. Полянин, Барановичский комбинат пищевых продуктов, 2009 г.; Н. Лущинская, Клецкий механический завод, 2006 г.; и др.).

- Особым образом следует отметить увольнения государственных служащих и работников госпредприятий, причиной которых стал **профессионализм, идущий вразрез с необходимым проявлением лояльности**. М. Пастухов во время общественно-политического кризиса осенью 1996 года остался верен присяге судьи Конституционного суда, отказавшись признавать итоги республиканского референдума, за что был отстранен от занимаемого поста — судьи Конституционного суда. И. Турко в 2003 году был уволен из Государственного академического симфонического оркестра Беларуси за то, что отказался отвечать за идеологическую работу в

коллективе. На приказе о своих новых обязанностях И. Турко написал: *«Не согласен»*, за что получил выговор, а вскоре последовал и второй — за *«ненадлежащее хранение фраков и смокингов музыкантов»*, что и стало поводом для его увольнения. Подполковник милиции М. Козлов в 2008 году во время парламентских выборов заявил о случае фальсификации на избирательном участке, который охранял в период досрочного голосования. В результате административного давления, он вынужден был уволиться. Н. Черкас был уволен в 2009 году, поскольку отказался включать фамилию директора Национального парка «Беловежская пуща» в число авторов одной из своих научных работ (официальная причина — окончание срока трудового контракта).

Такого рода случаи — «наказание» за политическую и общественную активность — являются наиболее распространенными. В то же время, они чаще других переводятся в правовое поле: увольнения оспариваются в суде и иногда работники восстанавливаются. А. Никитин (Смиловичи), уволенный в 2001 году за активное участие в кампании «Независимое наблюдение», решением суда был восстановлен на работе в начале 2002 года. Увольнение Д. Бахарь (Новогрудок), связанное с участием в избирательной кампании 2010 года, было оспорено и признано незаконным.

Этот тип запрета на профессию особенно активно используется в небольших городах или на больших предприятиях, где факт увольнения становится известен и человек попадает в ситуацию изоляции.

## 3.2 «Очистка» от идеологически нелояльных граждан сфер, в которых идет работа со знанием, общественным сознанием, идеями и т.д.

Образование, СМИ и наука — сферы, через которые идет интенсивное и массовое воздействие на взгляды, идеи, настроения и мнения людей. Жесткий контроль за учебными программами, общее идеологическое руководство телевидения, радиовещания и периодической печати, согласование научных программ с политическими приоритетами не могут полностью исключить распространение «ненужных» взглядов. Идеи, мнения и позиции «просачиваются» в эти сферы через учителей, педагогов, ученых и журналистов. Их отстранение или хотя бы локализация воздействия — основная задача этого типа запрета на профессию.

- **Увольнения критически настроенных преподавателей.** Такого рода увольнения сопряжены с разнообразными поводами: активной деятельностью, сотрудничеством или членством педагогов в оппозиционных структрах, проявление ими активности в ходе выборов или иных общественно-политических действиях (В. Мацкевич, О. Манаев, Н. Ильинич, А. Ковальчук, С. Солодкин, Н. Агафонова и др.), непосредственной «пропогандой» среди учеников (Л. Мухина, Ю. Бачища и др.), а также просто публичным высказываем критических суждений, в том числе относительно образовательного процесса или качества образования. Регулярно становятся известны случаи давления и требования прекратить членство в оппозиционных структрах или участие в политических кампаниях (Н. Лещун, Т. Коризна, Л. Шукайло, Ч. Князева и др.). Иногда увольнения совершаются с показным прояснением причины: указывается на несовместимость проявлений оппозиционости и нелояльности с педагогической профессией. Так, А. Алехнович (Крупки, 2001 г.) был уволен из школы с формулировкой *«совершение аморального поступка, несовместимого с дальнейшим выполнением воспитательных функций педагогического работника»*. Накануне президентских выборов он распространял оппозиционное печатное издание, за что был оштрафован. В марте 2006 года Ю. Бачища был уволен с должности доцента кафедры славянской истории и методологии исторической науки БГПУ с формулировкой *«за совершение аморального*

*поступка»*. Он якобы распространял среди студентов *«видеоматериалы, в которых порочится честь и достоинство президента Республики Беларусь»*.

Эта форма практикуется не только в государственных вузах, но и в коммерческих. В 2003 году из-за давления со стороны властей и руководства ЕГУ был вынужден уволиться из университета В. Силицкий. М. Груздилович в 2009 году была уволена из филиала британского образовательного центра «SOL Minsk» якобы за оппозиционную пропаганду среди учеников. В 2011 году в Минском институте правоведения были отстранены от работы сразу два преподавателя, активных общественных деятеля: Н. Василевич и А. Завадский. По словам колег, на администрацию института оказывалось давление со стороны КГБ.

- **Увольнения ученых, чья работа содержательно не совпадает с политической и идеологической линией.** Ученые, исследователи в ряду иных профессий попадают под увольнения и угрозы, связанные с непосредственной политической активностью или членством в оппозиционных структурах. Однако по отношению к ним существует еще одна форма репрессий, которая связана с содержанием их работы. Особенное внимание здесь уделяется социальным и гуманитарным наукам, истории, в которых формируется знание о стране, а также дается оценка и номинация актуальным процессам (А. Киштымов, Т. Протько, Г. Саганович, А. Кравцевич, И. Янушкевич, С. Тарасов и др.). Так, например, И. Янушкевич был вынужден уйти из ряда научных учреждений, в том числе из Комитета по архивам и делопроизводству (теперь — Архивный департамент Министерства юстиции РБ). Руководство последнего отрицательно отнеслось к деятельности ученого по подготовке празднования 200-летия В. Дунина-Марцинкевича. Так, в частности, от директора ему приходилось слышать следующее: *«На изучение Дунина-Марцинкевича в архивной отрасли нет денег...»*, *«Дунин-Марцинкевич столько не написал, сколько вы его исследуете...»* и вообще: *«Винцент Дунин-Марцинкевич не имеет никакого отношения к архивам»*. Иногда под действие такого запрета попадают представители естественных наук, чья деятельность связана с актуальными социальными проблемами — например, Чернобыльской катастрофой и её последствиями (Ю. Бандажевский).

  Здесь в качестве препятствий в профессиональной деятельности выступает не только увольнение, но и препятствия с защитой кандидатских и докторских диссертаций, включение в финансируемые государством программы отдельных тем и проблем, публикации, доступ к различным формам необходимой научной коммуникации (конференции, стажировки) (С. Тукало, А. Казакевич и др.). Все эти меры, не являясь на первый взгляд жесткими репрессиями, фактически выступают непреодолимым препятствием в профессиональном самовыражении и развитии. Долгий период таких ограничений часто заканчивается переходом на работу в зарубежные институции.

  Этот вид запрета на профессию напрямую связан с отсутствием академических свобод и университетской автономии в университетских и академических учреждениях Беларуси. В этой связи следует отметить еще и практику отстранения (попыток отстранения) от должности руководителя учебного заведения тех, кто пытался строить академические и педагогические процессы на «автономных» основания (А. Михайлов, Европейский гуманитарный университет; В. Колас, Национальный государственный гуманитарный лицей им. Я. Коласа). Показательно, что деятельность обоих учреждений в Беларуси была прекращена.

- **Вытеснение из информационного пространства нелояльной и критической журналистики**:
  - Закрытие (приостановка деятельности) независимых газет, радиостанций, программ и т.д.: радиостанций «Беларусской молодежной» (1994 г.), «Радыё 101.2 FM» (1996 г.), «Авторадио»

(2011 г.); газет «Навіны» (1999 г.), «Пагоня» (2001 г.), «Местное время» (2002 г.), «Товарищ» (2009 г.); журнала «Forum Lambda» (2001 г.) и др. В случае с «Пагоней» главный редактор Н. Маркевич и журналист П. Мажейко подверглись уголовному преследованию.

- Увольнение (отстранение от должности) редакторов и журналистов из государственных или подконтрольных государству СМИ после появления нежелательных, нелояльных или критических материалов. Так, были отстранены от своих руководящих должностей: А. Старикевич (газета Федерации профсоюзов Беларуси «Беларускі час»), И. Середич («Народная газета»), Е. Миронова («Комсомольская правда» в Беларуси») и др. В начале 2003 года был прецедент увольнения сразу шести журналистов газеты «Беларускі час». Им было объявлено о сокращении их ставок и увольнении. В газете остались работать только технические сотрудники. Увольнения отдельных журналистов: Е. Волошин (газета «Звязда»), В. Мацкевич, С. Дорофеев (ток-шоу «Выбор»), Я. Беклемешев («Крок-2)», А. Левчук (газета «Знамя юности»). Эти действия не лишают специалистов возможности работать в данной профессиональной сфере, но вытесняют их в независимые, а часто и нелегальные СМИ, деятельность в которых имеет значительно меньший охват аудитории, а также часто сопряжена с незащищенностью.

- **Создание препятствий в осуществлении независимой журналисткой деятельности** через отказы в аккредитации, обыски редакционных помещений и аресты журналистов с изъятием техники и носителей информации (журналисты «Нашай Нівы», «Еврорадио», «Белсата»); выдворение журналистов из страны, сопряженное с уголовным преследованием или даже лишением гражданства (П. Шеремет, П. Можейко, А. Ступников); задержание и аресты журналистов на несанкционированных мероприятиях, во время судебных слушаний и т.д. Особенное обострение этой практики наблюдалось в 2011 году, когда число журналистов столкнувшихся с данным явлением, стало исчисляться десятками.

### 3.3. «Борьба» с авторитетными и публичными людьми, проявляющими нелояльность

Современная беларусская власть имеет принципиальную установку на деперсонификацию. В стране не должно быть значимых, влиятельных людей — тех, кого называют «национальными героями», «совестью нации», «лидерами мнений». Традиционно, такими людьми становятся культурные деятели и интеллектуалы, способные воплощать в себе некие идеи, ценности и позиции. Начавшееся в конце 1980-х — начале 1990-х годов национальное возрождение и развитие стало постепенно выдвигать значимых и влиятельных людей. Особую опасность для власти представляло то, что большинство таких людей к ней было критически настроено. Это послужило основанием разворачивания широкомасштабной практики **ограничения деятелей культуры в творчестве и доступе к широкой публике (читателям, зрителям, слушателям)**: исключение литературных произведений из школьной программы, негласные «черные списки» деятелей культуры для государственных учреждений культуры, радио и телевидения.

Целая группа деятелей культуры, олицетворяющих национальную беларусскую культуру, активно критиковавших власть и поддерживавших оппозиционных политиков, была изолирована от широкой аудитории. Первый пик пришелся на вторую половину 1990-х годов, и это были, в основном, писатели. Были вынуждены эмигрировать В. Быков, С. Алексиевич, А. Розанов, С. Адамович, В. Некляев (временно). Из школьной программы были исключены произведения Р. Бородулина, Н. Гилевича, Г. Буравкина,

С.Законникова, В. Казько. О. Ипатовой[7]. Все они имеют проблемы с изданием собственных произведений, а также проблемы с организацией встреч с читателями. Появилось негласное распоряжение Министерства образования, согласно которому запрещаются встречи беларусских литераторов в учебных заведениях без разрешения Министерства и проправительственного творческого союза. Соответственно, всем членам независимого союза писателей такие встречи не разрешаются.

Следующую волну составили музыканты. Концерт 2004 года на пл. Бангалор для всех его участников закончился «черным списком» — негласным запретом на концерты, радиотрансляцию и телевизионный показ (А. Куллинкович и группа «Нейро Дюбель», А. Камоцкий, А. Помидоров, Д. Войтюшкевич, О. Хоменко и группа «Палац», Л. Волький  и группа «N.R.M.» и др.). «Черный список» собрал в себя всех наиболее популярных и влиятельных музыкантов, транслирующих в своем творчестве идеи, неприемлемые для официальной идеологии. Одновременно идет широкая кампания создания большого количества маловыразительных беларусских «звезд». Фактически, все площадки и каналы трансляции находятся либо в прямом государственном подчинении, либо под жестким государственным контролем. Это позволяет отменять любые концерты под «благовидными предлогами»: технические неисправности, нераскупленные билеты и т.д. Каждое крупное политическое событие вызывает обновление «черных списков». С конца 2010 года его пополнили группы «Ляпис Трубецкой», «Нака», «Крама» и др.

Ограничения касаются не только писателей и музыкантов, но и других известных деятелей культуры: драматурга В. Халипа, диктора и народной артистки З. Бондаренко, художников А. Марочкина, Н. Купавы и А. Пушкина, кинорежиссера-документалиста Ю. Хащевацкого и др.

### 3.4. «Зачистка» органов управления, силовых и правоохранительных структур

Все, кто имеет непосредственное отношение к исполнению и претворению в жизнь решений, находятся под наиболее пристальным вниманием.

- **Избавление от нелояльных элементов в органах государственного управления.** Эта форма запрета на профессию была особенно распространена в конце 1990-х — начале 2000-х годов, когда в государственном управлении и на ответственных постах еще оставались люди, пришедшие туда ранее и имевшие оппозиционные взгляды по отношению к набирающему силу режиму. В 1999 году член БСДП(Г) О. Ромашкевич был уволен из райисполком (Большая Берестовица); А. Ярошук в 2002 году был отправлен в отставку с должности председателя Беларусского профсоюза работников

[7] Цитата из письма министра образования, адресованного в 2006 году  начальникам управлений образования и руководителям учреждений образования: *«минимизировать использование произведений оппозиционно настроенных писателей: повсюду, где использование произведений Н. Гилевича, Г. Бородулина, Г. Буравкина и других, не вызвано крайней необходимостью характеристики их творчества как представителей литературы второй половины XX века, заменить их произведения на сочинения других писателей и поэтов. Предельно минимизировать содержание монографических тем, посвященных творчеству Н. Гилевича, Г. Бородулина (до 2-3 стихотворений) и других, исключить попадание в учебные программы произведений националистического, политизированного характера. Исключить из списков литературы для изучения и внеклассного чтения произведения С. Алексиевич, С. Законникова, О. Ипатовой, В. Орлова, М. Скоблы, В. Чаропки и других оппозиционно настроенных писателей "средней руки". Исключить из иллюстрированных материалов произведения художника А. Марочкина»* (см.: http://spring96.org/ru/news/10728).

агропромышленного комплекса; член БСДП(Г) Г. Руцкий в 2001 году был уволен с должности начальника Брестской государственной семейной инспекции. В более поздний период кадры на руководящих государственных постах всех уровней стали проверяться на лояльность еще до приема на работу. В 2002 году прокатилась серия отстранений от должности руководителей ряда крупных концернов Беларуси: «Беллегпром», «Белгоспищепром», «Беллесбумпром», «Белбиофарм», а также Министра здравоохранения.

Однако и в последующие годы публично высказанная критика оборачивается увольнениями: в 2006 году В. Каратышев был уволен с должности директора Дома культуры г. Лунинца в связи с *«несовместимостью государственной работы и политической деятельности в качестве руководителя предвыборного штаба А. Милинкевича по Лунинецкому району»*. В 2009 году П. Беспальчук был уволен с должности ректора БГМУ. Официальное основание — окончание контракта, причина — публичная критика системы распределения выпускников вузов.

4 ноября 2011 года были приняты дополнения в закон о госслужбе, которые запрещают госчиновникам иметь «карту поляка», ее наличие является основанием для снятия с должности.

Отдельно необходимо упомянуть **наказание руководителей за проявления политической активности подчиненных**. Известными стали несколько случаев наказания руководителей, недосмотревших за своими подчиненными. Это касается «вопиющих» случаев, но служит примером и назиданием другим руководителем в повышении бдительности в работе с подчиненными. Так в 2004 году заместитель директора по воспитательной работе Барановичского колледжа легкой промышленности Н. Качуро была снята с должности за то, что ячейка БРСМ колледжа в полном составе перешла в оппозиционное молодежное движения «Зубр». В январе 2005 года были уволены проректор по воспитательной работе БарГУ Р. Венцель и ее заместитель И. Кицун. Поводом для увольнения стала шутка студентов 5-го курса во время выступления в КВН в БНТУ: студенты разыграли сценку, критикующую главу государства.

- **Очистка правоохранительных органов от любых проявлений нелояльности.** Для таких сфер лояльность не ограничивается политическими взглядами, но часто связана с корпоративными интересами. Оглашение тех или иных сведений (О. Батурин — о подстрекательстве со стороны правоохранительных органов) или причастность к громким делам (М. Козлов, В. Осипенко, В. Дудкин) служит не только основанием для увольнения, но и для обвинений и арестов. Особым случаем является **очистка адвокатуры**. Практика увольнений и лишения лицензии по отношению к наиболее активным защитникам политической оппозиции применялась давно (Г. Погоняйло, 1998 г.; И. Рынкевич, 2007 г.). А после массовых арестов и судов, последовавших после событий 19 декабря 2010 года, прошла широкая волна лишения лицензий адвокатов (Т. Сидоренко, Т. Гораева, В. Толстик, П. Сапелко, Т. Агеева, О. Агеев). Затем переаттестация довершила исключение всех нелояльных, включая проявивших солидарность со своими коллегами (А. Бахтина, Д. Липкина, И. Бурак, А. Пыльченко).

Таким образом, мы можем зафиксировать не только широту охвата данным явлением самых разных сфер, но и многообразие задач, которые решает беларусская власть через практику запрета на профессию. Данная типология не исчерпывает всего многообразия случаев запрета на профессию и различных форм препятствования профессиональной деятельности. Тем более, что фактически каждый случай представляет собой уникальный комплекс причин, обстоятельств и действий, который трудно укладывается в общие

рамки и предполагает особое исследование, а если быть точнее, то расследование. Тем не менее, общий обзор наиболее часто используемых форм и типов запрета на профессию позволяет оценить масштабность, разнообразие и глубину явления, а также выработать установки и предложения по дальнейшей работе с этим явлением.

Имеющийся для анализа материал, с одной стороны, схватывает и фиксирует общие и основные тенденции, но с другой стороны — ограничен. Во-первых, фиксация случаев запрета или препятствия профессиональной деятельности отражает специфику правозащитной и журналисткой деятельности. Так, к примеру, фиксация отчислений студентов стала систематичной и активной после 2006 года. Всплеск отчислений из вузов активизировал журналистский интерес, а появление «Программы Калиновского» как реакции правозащитников по смягчению и компенсации проблем студентов в свою очередь спровоцировало более активное публичное озвучивание случаев со стороны «пострадавших». Во-вторых, люди, подвергаясь репрессиям в профессиональной сфере и не имея реальных механизмов защиты, выбирают различные стратегии дальнейшей жизни. Опубличивание своей ситуации посредством СМИ или обращение в правозащитные организации является не самой распространенной стратегией. Такой шаг в большинстве случае существенно обостряет ситуацию и нередко ставит «крест» на возможности легального и адекватного трудоустройства, по крайней мере, в течение нескольких лет. Его могут позволить себе либо те, чье имя и так является известным, и факт препятствий в профессиональной деятельности может в определенном смысле добавить позитивный имидж и преодолеть поставленные препятствия. Это люди публичных профессий: писатели, артисты, музыканты, журналисты. При этом значительное число людей, сталкивающихся с проблемами, связанными с их политической позицией или общественной деятельностью, рассчитывают на «исправление ситуации»: ищут другую работу, улаживают отношения с прежним работодателем, и огласка им не нужна и даже вредна.

## 4. Перспективы преодоления запрета на профессию в Беларуси

Преодоление запрета на профессию и негативных гуманитарных и социальных эффектов с ним связанных лежит через признание **наличия этого явления и этой практики в Беларуси**[8]. Само по себе признание является первым и необходимым шагом. Очевидность и известность случаев увольнений, запретов, отчислений и т.д. пока ведет лишь к «растаскиванию» этих случаев по разным сферам и формам преодоления. Профсоюзы активно и порой успешно работают в области нарушений трудового законодательства, правозащитники развивают программы, компенсирующие издержки отчислений из вузов («Программа Калиновского»), академическое сообщество формирует независимые центры или переносит деятельность за границу (ЕГУ). Все это, так или иначе, сглаживает часть последствий репрессивной практики, но всегда частично. Признание наличия запрета на профессию означает целостное отношение, сведение всех указанных случаев (часто не похожих друг на друга) в общее явление.

Признание данной практики позволяет **продолжить и углубить изучение данного явления**. В частности, мониторинг и отслеживание случаев запрета на профессию, которое сейчас возможно лишь окказионально, должно стать целевым. В этом отслеживании важно иметь более точную информацию о техниках и механизмах осуществления такой практики, используемых приемах. Кроме того, важно отдельно поставить задачу исследования социального эффекта запрета на профессию: представлений, установок, действий людей, косвенным образом причастных к этой практике: членов семей, коллег и т.д. Смысл этого изучения состоит не столько в исследовательском интересе, сколько в возможности дать беларусскому обществу аргументированную и обоснованную картину тех негативных явлений, которые развиваются, благодаря реализации такой практики. Сталкиваясь в повседневной жизни с отдельными проявлениями запрета на профессию, граждане страны редко предают им более чем локальное значение. В отличии от ситуации в Германии, где борьба была сосредоточена на ясном и понятном применении конкретного закона, нам необходимо еще локализовать и четко обозначить явление, чтобы оно стало достоянием осмысления, рефлексии и оценки общества.

Уже имеющиеся данные показывают направления противостояния данному явлению. Необходимо учитывать все аспекты запретов, в частности, стремление **не просто «наказать» политически активных, но и выставить препятствия для распространения идей, знаний, а также для формирования авторитетных, влиятельных людей, способных предлагать людям общие идеи, планы, проекты, мотивировать**

---

[8] Попытка поставить вопрос о признании существования в Беларуси запрета на профессию была осуществлена группой общественных деятелей: В. Мацкевичем, Е. Тонкачевой и А. Швецовым. В 2010 году они направили коллективное обращение главе Общественно-консультационного совета при Администрации президента Республики Беларусь (ОКС) В. Макею с просьбой дать ответ на вопрос «Являются ли приведенные в интернет-ресурсах действия, которые трактуются как проявления запрета на профессию, явлением государственной внутренней политики или они являются случаями (хоть и многочисленными) злоупотребления служебным положением отдельных граждан?» (см.: http://zabarona-na-prf.livejournal.com/67107.html). Обращение было перенаправлено в Министерство труда и социальной защиты. Оттуда был получен ответ, в котором указывались все статьи беларусского трудового законодательства, которые препятствуют любой дискриминации. Повторное обращение к главе ОКС и его членам было сопровождено разъяснением важности данного вопроса и его, соответствия, целям и назначению ОКС. Ответом также стало указание на Трудовой кодекс, что можно трактовать как отказ общественного совета рассматривать эту тему.

**массовые действия**. Очевидно, что невозможно ограничивать противостояние этому явлению только восстановлением профессиональной активности в том или ином виде. Сама возможность данного явления в Беларуси усиливается под действием следующих факторов:

- **Неразвитость профессиональных сообществ**, способных выставить свои собственные критерии профессионализма, формировать внутренние рейтинги и давать оценки мастерства, а также предъявлять их внешним субъектам.
- **Несформированность публичной сферы.** Сегодня развитие Интернета создает новые возможности, которые весьма слабо используются. Пока альтернативные информационные и коммуникативные пространства является местом проявления любого и каждого, но не работают как механизмы и инфраструктура для рождения и развития лидеров мнения, авторитетных и влиятельных людей.
- **Несогласованность широкого круга образовательных проектов и программ**, реализуемых в негосударственном секторе с интеллектуальными наработками и культурными продуктами, произведенными в Беларуси и для Беларуси. Работы ученых, проза, живопись и т.д. оказываются не только отверженными в государственных учебных и научных программах, в СМИ, но и невостребованными в негосударственной деятельности.
- **Отсутствие широкой трансляции позитивного опыта противостояния незаконным увольнениям**, технологизации в подготовке правозащитников и юристов в этом отношении, а также активистов демократических сил и их близких к работающим формам сопротивления. Это не только будет способствовать увеличению числа тех, кто отстоял свои права, но и пресекать возможность необоснованного давления, базирующегося обычно на неизвестности.
- **Многообразие способов борьбы с инакомыслием требует такого же разнообразия в отношении противостояния ему**, а также противостояния всем тем социальным и гуманитарным эффектам, которые сначала сопровождают запрет на профессию, а затем делают его обойденным, «нормальным» явлением.